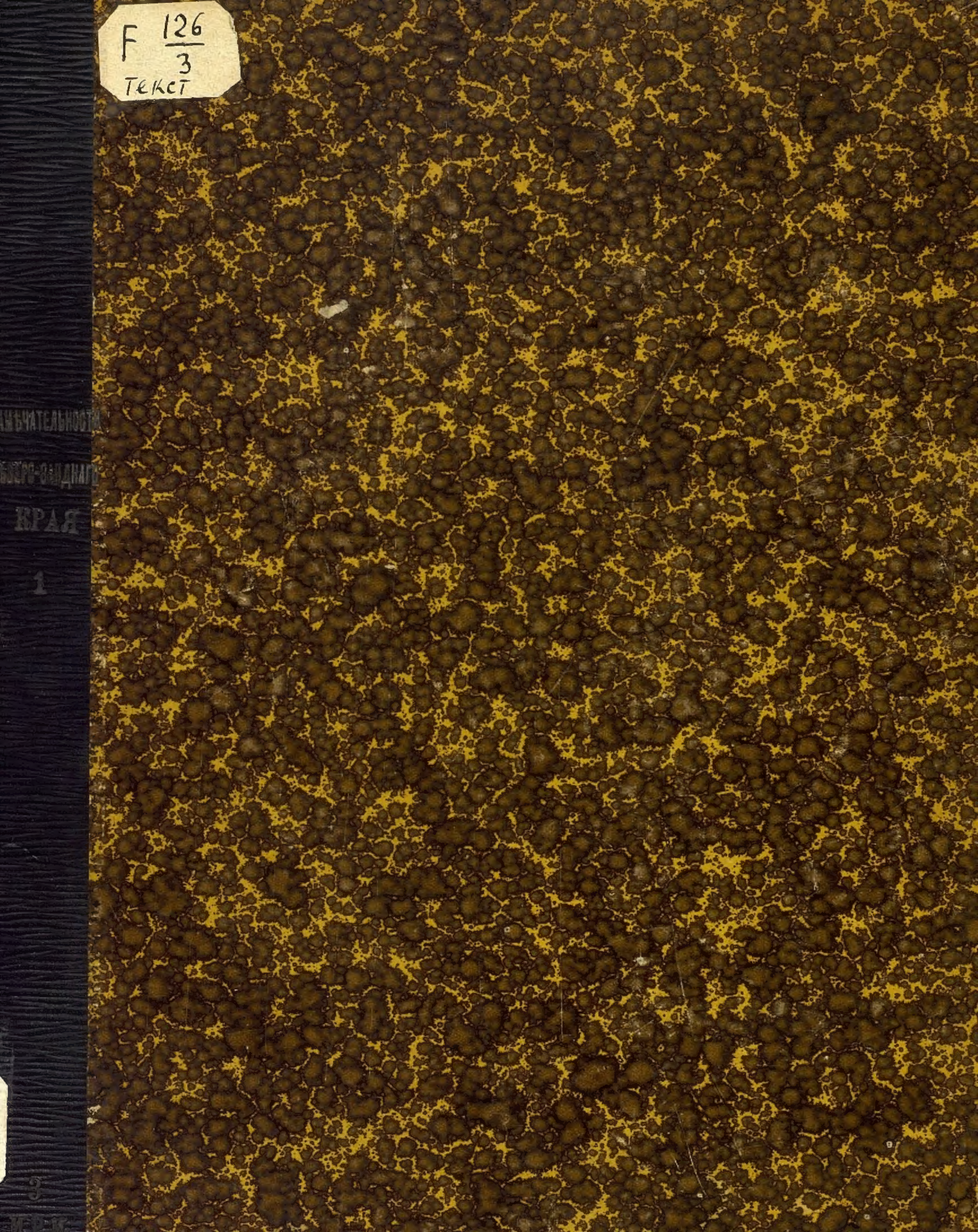

F 126/3
текст
КРАЯ
1

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗДАНІЕ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ВИЛЬНА.
Печатня А. Г. Сыркина.
на углу Нѣмецкой улицы, домъ Здановича насупротивъ театра.

1868.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОСТИ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВЫПУСКЪ I.

Настоящее изданіе Виленскаго Учебнаго Округа имѣетъ цѣлію — посредствомъ возможно-точныхъ снимковъ съ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ древностей сѣверо-западнаго края доставить пригодный матеріалъ для русской археологической науки и привлечь болѣе живое вниманіе къ нимъ русскаго общества. Вся почти древняя жизнь сѣверо-западнаго края, даже до исхода XVI вѣка, въ основныхъ своихъ стихіяхъ была проникнута православно-русскими началами; внѣшняя обстановка жизни, - предметы, необходимые для удовлетворенія разнообразныхъ, довольно уже развитыхъ потребностей, конечно, также вполнѣ соотвѣтствовали этимъ внутреннимъ, кореннымъ и господствующимъ условіямъ русскаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, мы имѣли бы весьма не малое количество вещественныхъ памятниковъ того времени, если бы дальнѣйшая исторія края, послѣ 16-го вѣка, слѣдовала прежнему пути, продолжая лишь естественное развитіе лежавшихъ въ ея основаніи русскихъ началъ. Но Провидѣнію угодно было положить на эту первобытно-русскую основу позднѣйшій, тяжелый пластъ польско-католическій, въ которомъ замерли первичные русскіе всходы, обѣщавшіе было развиться въ богатое плодами поле. Польская цивилизація и ей всегда сопутствовавшій католицизмъ совершенно оторвали отъ русскаго народа представительные классы населенія, внутри которыхъ вслѣдствіе сравнительно большаго ихъ образованія и богатства, обращалась наибольшая часть предметовъ, которые для насъ теперь имѣютъ значеніе въ археологическомъ отношеніи. Съ обращеніемъ жизни на польскій путь, все напоминавшее древнюю русскую старину, естественно стало отодвигаться на задній планъ, а подъ вліяніемъ разныхъ причинъ историческихъ, частію и совершенно исчезло.

Такимъ образомъ, на судьбѣ русскихъ древностей отчетливо отражается отношеніе двухъ борющихся въ краѣ народностей - русской и польской. Какъ въ политическомъ отношеніи, до самаго послѣдняго времени, польская народность въ краѣ была господствовавшею и влiятельнѣйшею, — такъ и польскія древности привлекали къ себѣ наибольшее вниманіе лицъ, ихъ цѣнящихъ и были обставлены всѣми способами къ тому, чтобы свидѣтельствовать о рѣшительномъ польскомъ направленіи мѣстной жизни и объ окончательномъ, безвозвратномъ стремленіи ея по этому пути. Проникнутые духомъ общественной среды, мѣстные ученые направляли къ ихъ изслѣдованію преимущественно свое вниманіе и представили нѣсколько не безуспѣшныхъ розысканій о мѣстныхъ латино-польскихъ памятникахъ. Если относительно не многихъ частныхъ археологическихъ предметовъ и были опыты болѣе безпристрастные, то какъ самое число ихъ незначительно, такъ и основной духъ изслѣдованій и языкъ послѣднихъ оставались рѣшительно благопріятными одностороннему польскому направленію. Стремленіе къ сохраненію древностей и къ ближайшему знакомству съ ними, повидимому, особенно усилилось въ 50-хъ годахъ, такъ что, при участіи нѣсколькихъ лицъ, основалось хранилище ихъ—бывшій музей древностей. Но дальнѣйшее развитіе этого учрежденія еще рѣ-

шительнѣе доказало, что вниманіе къ древностямъ русско-православнымъ почти совершенно притупѣло въ мѣстныхъ представителяхъ исторической и археологической науки. Съ быстротой замѣчательной музей наполнился почти исключительно предметами изъ позднѣйшей польской старины края, неоднократно преступивъ въ этомъ случаѣ даже требованія строгой науки и политическаго благоразумія.

Старина русская и православная испытала менѣе счастливую участь. Кромѣ того, что ею наименѣе занимались, она едва ли удержала за собой и перевѣсъ въ численномъ отношеніи. Древности позднѣйшія всегда лучше и въ большемъ числѣ сохраняются, чѣмъ болѣе давнія; при томъ же именно въ пору древне-русской жизни края приходится множество набѣговъ татарскихъ, нѣмецкихъ, войнъ съ русскими, внутреннихъ междоусобій, неоднократныхъ пожаровъ и подобныхъ несчастій, которыми всесокрушающее время истребляетъ предметы священнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе для потомковъ. О многихъ изъ нихъ дошли до насъ лишь одни указанія въ лѣтописяхъ и актахъ; видимъ отсюда, какихъ драгоцѣнностей прошлыми несчастіями мы лишены, и по значительному числу упоминаемаго, съ правомъ полагаемъ, что гораздо болѣе погибло безъ всякаго слѣда и памяти. Мѣста наиболѣе завѣтныя для русскаго, бывшія средоточія умственной и исторической жизни русскаго государства, какъ напримѣръ Туровъ, теперь почти нѣмы для археолога. Мало этого; распространившаяся въ краѣ противонародная и вѣроисповѣдная нетерпимость поляковъ-католиковъ къ православнымъ русскимъ была причиною, что нѣкоторые самые драгоцѣнные памятники нашей старины намѣренно уничтожались, или небреженіемъ были приводимы въ состояніе полнаго разрушенія, которое развѣ только случай могъ счастливо предотвратить. Кому неизвѣстна печальная судьба древнѣйшихъ православныхъ храмовъ сѣверо-западнаго края? Отъ многихъ совершенно слѣда не осталось; иные обращены въ храмы вѣроисповѣданій чуждыхъ. «Невидимъ ли, что татарамъ отданы наши церкви?» укоряетъ поляковъ своего времени Петръ Могила. «Не въ питейные ли дома обращены наши монастыри?» съ пророческимъ гнѣвомъ взываетъ Лаврентій Древинскій. Видимъ, что стѣны одной Минской православной церкви безвозвратно вмѣстили въ себя синагогу евреевъ, — а въ Туровѣ стоятъ грязныя еврейскія хаты на мѣстахъ бывшихъ православныхъ святынь и на самое мѣсто алтаря выбрасываются нечистоты. Церковь св. Николая въ Вильнѣ уже приготовляема была къ подобной же участи, когда все болѣе была стѣсняема еврейскими домами спереди и обливаема всякаго рода нечистотами съ боковъ и въ алтарной части. Небреженіе, быть можетъ, даже намѣренно систематическое со стороны уніатовъ, имѣвшихъ въ рукахъ нѣкоторыя древнія православныя святыни, еще болѣе содѣйствовало недоброжелательству польскихъ католиковъ. Такимъ образомъ, одна изъ древнѣйшихъ Виленскихъ святынь, церковь св. Параскевы, доведена была ими до совершеннаго разрушенія и въ памятный 1863 годъ оставалась уже одна только полуразрушенная стѣна этого храма, нынѣ благолѣпно возобновленнаго. Уніатскими же монахами знаменитый храмъ Пречистыя Богородицы (XIV в.) приведенъ былъ въ такое запустѣніе, что въ 1808 г. извѣстному попечителю Виленскаго учебнаго округа Адаму Чарторыйскому не стоило ни малѣйшихъ усилій обратить этотъ храмъ Бога живаго въ анатомическій театръ и скотолечебное заведеніе. Древнія православныя иконы перешли въ католическіе храмы и замѣчательнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстная икона на острыхъ вратахъ въ Вильнѣ; впрочемъ, усердная рука живописцевъ, неоднократно подновлявшихъ эту икону, почти стерла съ нея ликъ древности православной. На основаніи этого и нѣсколькихъ подобныхъ примѣровъ, можно почти съ увѣренностію предположить, что большая часть мѣстно чествуемыхъ католическимъ и даже православнымъ населеніемъ иконъ, если только неизвѣстно точно ихъ позднѣйшее происхожденіе восходитъ ко временамъ древняго православія, хотя въ настоящемъ своемъ видѣ и лишена первоначальнаго

истиннодревняго пошиба. Древніе православные колокола перешли также въ обладаніе неправославныхъ, и въ своей неизвѣстности могутъ быть сочтены какъ бы несуществующими. Господствовавшій въ краѣ въ старину обычай церковнаго ктиторства превратился въ средство къ расхищенію церковнаго имущества съ той самой поры, какъ церковными ктиторами начали быть исключительно поляки-католики. Найдемъ въ актахъ довольно указаній о забранныхъ изъ церквей священныхъ сосудахъ, книгахъ и прочихъ церковныхъ принадлежностяхъ,— дальнѣйшая участь которыхъ извѣстна только развѣ тѣмъ евреямъ, которымъ эти священныя древности были заложены и которыми, по миновании срока неуплаченному панскому долгу, вещи изъ дорогого металла перелиты, церковныя же облаченія изъ дорогихъ матерій перешиты. Еще не утеряна также надежда, что со временемъ и въ еврейскихъ синагогахъ найдутся православные свѣтильники, такимъ же путемъ изъ рукъ ктиторовъ перешедшіе къ евреямъ. Справедливость впрочемъ требуетъ припомнить, что церковныя вещи были не разъ подобными ктиторами употребляемы въ своемъ собственномъ обиходѣ, а жемчугъ, напримѣръ, и подобныя украшенія съ чудотворныхъ иконъ одолжаемы за извѣстную плату на балы красавицамъ—паннамъ того времени. Даже наука и образованность не всегда могли служить противовѣсомъ вандальскимъ наклонностямъ къ уничтоженію русско-православныхъ древностей; какъ на поразительнѣйшій примѣръ, достаточно указать на фактъ, засвидѣтельствованный самими же католиками, что ректоръ бывшаго Виленскаго университета присвоилъ себѣ серебрянную доску съ гробницы Вел. Кн. Литовской, дочери Іоанна III, Елены, и, по многочисленнымъ слухамъ, даже не постыдился перелить эту историческую драгоцѣнность въ столовую посуду.

Приведенные факты и множество другихъ подобныхъ доказываютъ, что, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ до насъ дошла лишь наименьшая часть изъ тѣхъ старинныхъ памятниковъ, коихъ мы въ правѣ ожидать въ странѣ, бывшей, въ нѣкоторомъ отношеніи, колыбелью древней русской жизни. Къ сожалѣнію, не можемъ похвалиться достаточнымъ знакомствомъ хотя бы даже съ этими уцѣлѣвшими остатками дорогой для русскаго старины. Путешествія по краю, съ изыскательною цѣлью, почти не приходили на мысль русскимъ ученымъ, если не имѣть въ виду случайныхъ проѣздовъ. То не многое, что было посвящено описанію нѣкоторыхъ предметовъ русской старины польскими учеными, будучи написано не по русски и помѣщено въ изданіяхъ малоизвѣстныхъ, почти не измѣняло общаго безучастія русской науки къ православно-русскимъ древностямъ сѣверо-западнаго края. Такимъ образомъ, если небольшое число предметовъ изъ этой области и занимало нашихъ ученыхъ, то лишь съ весьма недавняго времени и по случайнымъ обстоятельствамъ, да и то, оставаясь въ тѣсномъ кругу знатоковъ, не имѣло общаго значенія и не вызвало болѣе самостоятельнаго движенія къ знакомству съ краемъ въ археологическомъ отношеніи.

Пробужденное недавними польскими волненіями общее вниманіе къ краю отозвалось нѣкоторымъ оживленіемъ и въ средѣ любителей и цѣнителей русскихъ древностей; но такъ какъ данныя, добытыя отправленными послѣ этого въ край спеціалистами, доселѣ еще не обнародованы, то ни о качествѣ, ни о количествѣ ихъ, ни о значеніи въ развитіи науки ничего еще пока сказать нельзя. Русское общество, не руководимое въ этомъ случаѣ возбужденіями дѣятелей науки, питало лишь смутныя гаданія о томъ, что край не лишенъ интереса по богатству старины, но какая старина при этомъ была важнѣе—полуцѣлѣвшая русская или блистательная польская, какіе именно предметы и гдѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, — кто это зналъ? Кто даже могъ особенно этимъ быть занятъ въ то время, когда край былъ почти обособленъ отъ остальной Россіи и стоявшія представителями края польскія сословія умѣли усыпить даже самую мысль о необходимости и пользѣ вниманія къ этой замѣчательной русской области? Вслѣдствіе этихъ причинъ, напримѣръ, крестъ пр. Евфросиніи, княжны Полоцкой (XII в.),

древность замѣчательнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлался извѣстенъ русскому обществу не ранѣе возсоединенія уніатовъ, когда онъ былъ на нѣкоторое время привезенъ въ Петербургъ. О развалинахъ Виленскаго Пречистенскаго Собора (достопамятности XIV в.) или о пребываніи въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ Монастырѣ древней иконы, которою Иванъ Васильевичъ III благословилъ дочь свою Елену, русское общество едва ли не впервые узнало со словъ нашего знаменитаго путешественника А. Н. Муравьева. О существованіи нѣкоторыхъ превосходныхъ древностей въ Минской епархіи, напримѣръ, въ Пинскѣ, впервые заявлено только въ сочиненіи Арх. Николая, которое прошло почти не замѣченнымъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести почти столько же, сколько есть предметовъ мѣстной старины — малоизвѣстныхъ по имени, по внѣшнему же виду своему и въ прочихъ подробностяхъ неизвѣстныхъ совершенно.

Виленскій Учебный Округъ сознаетъ, что просвѣтительная задача его въ краѣ, живущемъ преданіями польской науки и польскаго общества, тѣсно связана съ оживленіемъ воспоминаній о всѣхъ проявленіяхъ древней русской жизни. Учебное управленіе имѣетъ полное убѣжденіе, что изученіе и изслѣдованіе ихъ принесетъ самые плодотворные результаты для русской науки и даже администраціи въ краѣ. Испрашивая у высшаго управленія необходимыя на 1867 г. суммы для полезныхъ ученыхъ изданій и командировокъ, Попечитель Округа между прочимъ писалъ: «Признавая одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей содѣйствовать развитію ученой дѣятельности въ краѣ, учебный округъ, имѣя въ обновленныхъ русскими силами педагогическихъ составахъ лицъ, способныхъ и достаточно подготовленныхъ къ ученымъ трудамъ, полагаетъ вполнѣ возможнымъ давать этимъ лицамъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, ученыя командировки въ разные пункты края, поручая имъ и въ другое время производить ученыя изысканія на мѣстахъ ихъ служенія. Опытъ такихъ командировокъ уже былъ сдѣланъ въ минувшія вакаціи (1866 г.), на небольшія средства, и сопровождался замѣчательнымъ успѣхомъ. Учители нѣкоторыхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ доставили въ округъ, въ значительномъ числѣ, древнеславянскія книги, нѣсколько грамотъ, актовъ и рукописей; сверхъ того, учители рисованія представили рисунки нѣкоторыхъ древнихъ православныхъ церквей, монастырей и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей, снимки съ чудотворныхъ иконъ и другихъ предметовъ, снятые съ натуры, числомъ свыше 70, и столько же фотографическихъ снимковъ.» Когда округу даны были необходимѣйшія денежныя средства, для возбужденія и поощренія учителей къ подобной дѣятельности, то явилась возможность приступить и къ изданію нѣкоторыхъ собранныхъ такими способами матеріаловъ.

Изданный нынѣ первый выпускъ «Замѣчательностей сѣверо-западнаго края» отпечатанъ въ количествѣ 600 экземпляровъ. Все изданіе, состоящее изъ 20 рисунковъ и хромолитографнаго заглавнаго листа, стоило 1516 руб. Главное наблюденіе за исполненіемъ работъ по изданію поручено было завѣдующему Виленскою рисовальною школою, художнику И. П. Трутневу. Дальнѣйшій опытъ и мнѣнія ученыхъ знатоковъ древностей покажутъ, что особенно должно имѣться въ виду при подобномъ учено-художественномъ предпріятіи. Но уже теперь нельзя не обратить вниманія на то существенное обстоятельство, что рисунки сняты на мѣстахъ людьми, знающими цѣну точной срисовки замѣчательныхъ предметовъ, или же выполнены свѣтописью, и слѣдовательно по своей сообразности съ подлинниками, заслуживаютъ, повидимому, полной вѣры при ученыхъ изслѣдованіяхъ по археологіи.

На первыхъ пяти листахъ настоящаго выпуска помѣщены снимки, относящіеся къ развалинамъ Гродненской церкви Свв. Бориса и Глѣба, извѣстной болѣе подъ именемъ Коложской. Развалины стоятъ на правомъ берегу Нѣмана, на крутомъ обрывѣ, который все болѣе подмывается стремительнымъ теченіемъ рѣки. Разрушительная сила потока еще въ 40-хъ годахъ оторвала край горы, вслѣдствіе

чего стѣны церкви дали нѣсколько трещинъ. Съ тѣхъ поръ все продолжая свою гибельную работу, Нѣманъ въ 1853 году окончательно подмылъ южную стѣну церкви, и часть ея рухнула въ рѣку. Съ глубокимъ прискорбіемъ приходится сказать, что начатыя было работы по укрѣпленію берега, для отвращенія дальнѣйшихъ разрушеній, не могли быть окончены безъ громадныхъ средствъ, которыхъ не имѣется, и потому почти несомнѣнно, что со временемъ Нѣманъ окончательно поглотитъ послѣдніе остатки Коложскихъ древностей. Истинно будетъ жаль, если губительныя волны забвенія покроютъ этотъ древнѣйшій памятникъ мѣстнаго православія прежде, чѣмъ память о немъ увѣковѣчена будетъ нарочитымъ изслѣдованіемъ кого либо изъ русскихъ ученыхъ археологовъ.

Несомнѣнно, что сѣдою стариною вѣетъ отъ Коложскихъ развалинъ; много историческихъ бурь и невзгодъ пронеслось надъ этимъ скромнымъ храмомъ. Впрочемъ, именно о той порѣ его, когда храмъ процвѣталъ наиболѣе, составляя княжескую церковь русскихъ князей Гродны, (древнѣйшее имя которой Городенъ и Городна), не сохранилось никакихъ извѣстій. О самомъ основаніи его нѣтъ указаній, и только по древнѣйшимъ пріемамъ постройки, да при помощи вѣроятныхъ историческихъ наведеній, можемъ съ правдоподобіемъ отнести основаніе его къ половинѣ XII вѣка, когда жили Борисъ и Глѣбъ, дѣти и, вѣроятно, наслѣдники Всеволода Давидовича (ум. 1142 г.), именуемаго въ лѣтописяхъ Городенскимъ. Названіе храма Коложскимъ, или «на Коложѣ,» встрѣчается уже въ актахъ XVI и XVII вѣка. Хотя этимъ и подтверждается предположеніе, что именно близъ него поселены были Псковичи, взятые въ плѣнъ Витовтомъ въ 1406 г., при разореніи Псковскаго пригорода Коложья (нынѣ городище въ Опочскомъ уѣз.); но какое вліяніе на благоустройство самаго храма имѣлъ этотъ приливъ русскихъ жителей—свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Первыя болѣе точныя извѣстія о храмѣ относятся къ концу XV вѣка. Къ этому времени церковь была въ упадкѣ. Около 1492 г. ктиторство надъ нею принялъ извѣстный писарь Великаго Княжества Литовскаго Александръ Богушъ Боговитиновичъ, человѣкъ, по всему видно, ревностный къ вѣрѣ. Онъ далъ значительныя средства для возстановленія церкви, а чтобы еще надежнѣе обезпечить ее и при ней монастырь, записалъ за нею нѣсколько своихъ недвижимыхъ имѣній, въ томъ числѣ Чещевляны и Гродненскій дворецъ, пожалованный ему за выслугу Великимъ Княземъ. Въ записи на Чещевляны Боговитиновичъ обязываетъ потомковъ своихъ всегда защищать церковь противъ тѣхъ, кто причинилъ бы ей какую обиду. Нѣсколько другихъ недвижимостей, перешедшихъ къ монастырю отъ усердія Гродненскаго мѣщанина Ивана Сергеевича (1492 г.) и Вел. Кн. Литовскаго Александра (1500 г.), доброжелавшаго Боговитиновичу,—а также расположеніе послѣдующихъ Великихъ князей, еще болѣе содѣйствовали благоустроенію и благолѣпію Борисоглѣбской церкви съ монастыремъ. Не былъ онъ очень богатъ въ началѣ XVI вѣка, но по крайности имѣлъ достаточно средствъ для безпрепятственнаго отправленія Божіей службы. Впрочемъ, по обыкновенному порядку дѣлъ того времени, монастырь не всегда могъ спокойно владѣть своею неотъемлемою собственностію; это же въ свою очередь отражалось на самомъ церковномъ благолѣпіи, такъ какъ въ то время процвѣтаніе церквей существенно и почти исключительно зависѣло отъ большей или меньшей обезпеченности недвижимыхъ имуществъ. Въ 1546 г. дворяне Воловичъ и Купцевичъ, урядники королевы Боны, стали чинить монастырю и людямъ монастырскимъ обиды, насилія, бои, грабежи, забирать церковные грунты, вырубать монастырскій лѣсъ и производить иныя незаконныя безчинія. Дѣло на этотъ разъ было разсужено Вел. Кн. Жигмонтомъ Августомъ въ пользу монастыря, при чемъ даже Вел. Князь ясно высказалъ, что королева Бона не имѣетъ никакаго права заявлять притязанія на управленіе монастыремъ. Въ 1548 г. архим. Сергій, отдавая въ наймы монастырскую землю Гродненскому войту Пѣхтинскому, замѣчаетъ, что имъ руководитъ забота оградить земли монастырскія отъ разоренія и вообще соблюсти вы-

годы монастыря. Въ 1552 г., при игумнѣ Михаилѣ, монастырю вновь пришлось отстаивать предъ королевою Боною права свои на сѣножати и бортное дерево въ королевскихъ пущахъ Перстунской и Малявской, потому что управляющіе пущами стали въ этомъ дѣлать притѣсненія монастырскимъ крестьянамъ.

При такомъ недостаточномъ обезпеченіи монастырской собственности, церковь могла благолѣпно процвѣтать лишь въ томъ случаѣ, когда настоятели и ктиторы были усердны. Если же, какъ нерѣдко случалось, ктиторъ болѣе заботился о собственномъ обогащеніи отъ монастыря, чѣмъ о выгодахъ церкви,— а настоятели не довольно настойчиво противодѣйствовали ихъ своекорыстію,—то и монастырь, вмѣстѣ съ церковью, долженъ былъ приходить въ упадокъ. Дѣлаемыя въ королевскихъ грамотахъ, при подаваньи монастыря разнымъ лицамъ, замѣчанія о томъ, чтобы въ монастырѣ не останавливалась хвала Божія (или богослуженіе), наводятъ на мысль, что опекуны монастыря и церкви не всегда радѣли объ этомъ. Въ 1591 г. Жигмонтъ III, по рекомендаціи нѣкоторыхъ пановъ, назначилъ архимандритомъ въ Коложскій монастырь Гродненскаго подстолія Богдана (Климентія) Годкинскаго. При вводѣ его въ управленіе оказалось, что имѣнія монастыря доведены до крайней степени разоренія, самоуправнымъ хозяйничаньемъ прежнихъ опекуновъ. Дворъ Чещевичи опустошенъ, воротъ въ немъ нѣтъ; свѣтлица старая съ сѣнями изъ стараго, перегнившаго дерева, безъ крыши; ни коморы, ни печи нѣтъ; въ другомъ мѣстѣ, по выраженію подлиннаго акта, изба старая, напротивъ клѣтчина старая и сзади хлѣвокъ, хворостомъ пригороженый; тая изба съ сѣнями и клѣтью старою, гнилою, опалою, съ повыпадавшими окнами, убого прикрытая соломою, уже ни на что не годится; при избѣ нѣсколько другихъ такихъ же бѣдныхъ хозяйственныхъ пристроекъ; подданныхъ монастырскихъ изубожоныхъ и изнищавшихъ всего 23. Кромѣ этихъ, за монастыремъ зачислены еще нѣсколько другихъ не весьма доходныхъ статей. Впрочемъ, Клименту Годкинскому не пришлось пользоваться спокойно даже этими бѣдными остатками прежнихъ монастырскихъ обезпеченій. Исходомъ же всего было то, что Жигмонтъ III, для прекращенія безконечныхъ распрей и тяжбъ, и видя, что нѣкоторыя земли отошли отъ церкви Бориса и Глѣба вслѣдствіе разоренія великаго отъ войскъ непріятельскихъ, присудилъ отвести монастырю нѣсколько новыхъ угодій, и вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ монастырскимъ крестьянамъ пользоваться лѣсными бортями по старому праву, оставивъ имъ, и то лишь до срока, нѣсколько старыхъ, готовыхъ свалиться деревьевъ. Въ силу этого рѣшенія, монастырь навсегда утерялъ свои давнія земли, и съ ними столѣтній безплодный крестьянскій трудъ.

Въ довершеніе прежнихъ несчастій, въ 1611 году, вслѣдствіе интригъ извѣстнаго іезуита—уніата Веніамина Рутскаго, Климентъ вынужденъ былъ уступить монастырь во владѣніе сыну своему Макарію, уніатскому чернецу Виленскаго Троицкаго монастыря. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ этимъ монастырь перешелъ въ руки уніатовъ; въ подтвердительной грамотѣ Макарію на архимандритство, король Жигмонтъ прямо его обязываетъ совершать въ монастырѣ «фалу Божію въ згодѣ и едностайности съ костеломъ Римскимъ.» Все это дѣло было только однимъ изъ тѣхъ ловкихъ происковъ, при помощи которыхъ уніаты завладѣли многими православными церквями,—благовиднымъ же предлогомъ при этомъ выставлена была старость Богдана Годкинскаго. Макарій самъ даже не явился ко вводу въ управленіе монастыремъ и Климентъ по прежнему продолжалъ завѣдывать имъ, даже отъ своего имени ведетъ монастырскія тяжбы; очевидно, дѣло назначенія новаго игумена было устроено уніатами и католиками просто для вида, съ цѣлію вѣрнѣйшаго присвоенія монастырской собственности. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣ этого событія монастырь сталъ быстро клониться къ упадку. На Богдана внезапно обрушились притѣсненія и придирки казенныхъ чиновниковъ. Въ 1614 г. гродскій судъ приговариваетъ его къ баниціи, соединенной съ лишеніемъ гражданскихъ правъ, за не взносъ въ казну платы,

которая слѣдовала съ приписанныхъ къ монастырю огородниковъ. Трибунальскій судъ уничтожилъ это рѣшеніе, но тѣмъ не оградилъ монастыря отъ новыхъ нападокъ. Въ 1615 г. Гродненскіе католическіе монахи-бернардины также покушаются присвоить себѣ часть монастырской земли и кирпичный заводъ. Въ 1633 г. уніатскому Смоленскому епископу Льву Креузѣ Ревусскому, по причинѣ разоренія его имѣній во время войны съ Россіею, король Владиславъ отдалъ Коложскій монастырь со всѣми землями и угодьями, а также и всю Гродненскую протопопію. Имѣемъ еще указаніе, что въ 1681 г. уніатскій митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, въ благодарность Виленскому воеводѣ Михаилу Пацу, за разныя услуги, оказанныя уніи, рѣшился уступить въ полную его собственность принадлежавшій монатырю кирпичный заводъ; по удобному своему положенію, заводъ приносилъ весьма значительные доходы. Несомнѣнно, что церковь, при такихъ щедрыхъ въ чужую пользу хозяевахъ пришла въ окончательный упадокъ. Очевидецъ того времени, базиліанскій монахъ Иванъ Зелинскій (ум. 1720 г.) говоритъ: «стыдно описывать, что дѣлалось недавно съ мѣстомъ Коложею, которое находилось въ такомъ запустѣніи, что и дворъ крапивою поросъ, и церковь безъ кровли, о четырехъ лишь стѣнахъ, служила пугаломъ и ужасомъ для цѣлаго города; собственными глазами я видѣлъ, во время Гродненскаго сейма 1693 г., какъ въ то время, когда по всѣмъ церквамъ громко воспѣвалась слава Божія, одна лишь наша (Коложская) церковь стояла пустою, на удивленіе людямъ».

Извѣстно, что въ 1708 г. Карлъ XII счелъ удобнымъ построить на Коложской церкви свои батареи и для этого велѣлъ сбросить церковную кровлю и верхнюю часть стѣнъ. Военное вандальство шведскаго героя навсегда, кажется, лишило насъ возможности узнать, какой видъ имѣла верхняя часть церкви до того времени. Правда, въ послѣдствіи было разрушенное надстроено уніатами, такъ что церковь древняя въ основаніи и нижнихъ частяхъ получила жалкую приставку сверху въ латинскомъ стилѣ; тѣмъ не менѣе ничто не могло удержать монастырь отъ быстраго разрушенія. Въ началѣ и въ половинѣ нынѣшняго вѣка на мѣстѣ довольно богатаго храма застаемъ убогую церковку, въ которой впрочемъ уже съ 1845 г. прекращено богослуженіе. Нынѣ видимъ лишь развалины, готовыя рухнуть въ рѣку, не лишенныя и въ самомъ разрушеніи своемъ поэтическаго величія и, въ сѣни высокихъ тополей, вызывающія созерцателя на размышленія объ измѣнчивой судьбѣ древнихъ и новыхъ русскихъ начинаній въ краѣ.

На *листѣ первомъ* настоящаго выпуска изображена чтимая въ народѣ Коложская икона Богоматери, нынѣ находящаяся въ Гродненской Борисоглѣбской церкви, (что̀ въ бывшемъ монастырѣ Бернардинокъ). Икона, вѣроятно, не чужда подновленій, но, по крайности, единогласная молва народа относитъ ее къ глубокой древности, — а какъ единственный почти, болѣе замѣчательный памятникъ внутреннихъ украшеній бывшей Борисоглѣбской церкви, что̀ на Коложѣ, она заслуживаетъ еще усерднѣйшаго вниманія. Снимокъ съ иконы сдѣланъ г. учителемъ Кудрявцевымъ.

Листъ второй — видъ Коложской церкви до ея разрушенія; 2 рисунка со снимка, хранящагося въ Виленской Публичной Библіотекѣ.

Листъ третій — общій видъ Коложскихъ развалинъ, со снимка Виленской Публичной Библіотеки.

Листъ четвертый — видъ развалинъ монастыря съ восточной и сѣверной стороны; 2 рисунка съ натуры уч. Грязнова;

Листъ пятый — чертежи подробностей Коложскихъ развалинъ: голосниковъ, изразцовъ, стѣнныхъ крестовъ и проч, 2 рис. Вил. Публ. Библ.

Въ поясненіе рисунковъ, умѣстно привести нѣкоторыя особенныя подробности о Коложскихъ развалинахъ въ архитектурномъ отношеніи (ср. пам. кн. Гродн. губ. за 1866 г.)

а) *Общій видъ зданія.* Какъ видно изъ рисунка, (листъ 2-й) церковь до своего разрушенія имѣла гонтовую крышу и одну небольшую башенку. Крыша и башня принадлежатъ позднѣйшему времени. Изъ инвентаря архимандрита Кульчинскаго видно,

что въ 1738 году церковь имѣла еще прочную гонтовую крышу и три башни, одну на срединѣ и двѣ по бокамъ.

Въ настоящее время нѣтъ ни башни, ни крыши, ни сводовъ. Уцѣлѣла только престольная часть съ полукупольными сводами, сѣверная продольная стѣна, часть западной, въ которой была главная входная дверь, и два столба внутри церкви, поддерживавшіе ея своды. Обрушились южная продольная стѣна до престольной части и часть западной.

Съ наружной стороны, внизу стѣнъ вдѣланы большіе камни разнаго рода и цвѣта; выше—выложены кресты изъ желтыхъ и зеленыхъ поливныхъ изразцовъ.

Внутри церкви въ стѣнахъ существуютъ пустоты, въ которыя вдѣланы глиняные кувшины, такъ называемые голосники.

б) *Стѣны.* Длина уцѣлѣвшей сѣверной продольной стѣны до закругленій, или до престольной части, 20 аршинъ. Престольная часть состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою закругленныхъ частей; длина боковыхъ закругленій $5^1/_4$ арш., длина главнаго или средняго — нѣсколько больше. Столбы посрединѣ церкви имѣютъ въ діаметрѣ по 1 арш. разстояніемъ одинъ отъ другаго 5 арш. 13 верш., отъ продольныхъ стѣнъ 3 аршина. Толщина стѣнъ, не считая выступовъ, 1 арш, пилястры выступаютъ изъ стѣны на 6 верш. Толщина пилястръ соотвѣтствуетъ діаметру столбовъ, противъ которыхъ они расположены. Высота стѣнъ 12 аршинъ. Верхняя часть кругомъ, въ уцѣлѣвшихъ стѣнахъ, надстроена аршина на 3 по высотѣ изъ новаго кирпича и оштукатурена, кромѣ престольныхъ частей.

в) *Окна.* Въ сѣверной стѣнѣ два окна—расположены въ верхней части стѣны. Нужно думать, что по симетріи и въ южной стѣнѣ существовали два окна, какъ это видно на рисункѣ церкви до ея разрушенія. Въ среднемъ или главномъ престольномъ закругленіи 3 окна; среднее изъ нихъ заложено снизу до половины старымъ кирпичемъ; два боковыя окна въ этомъ же закругленіи тоже уцѣлѣли до половины, верхнія ихъ части и перемычки устроены изъ новаго кирпича. Въ боковомъ закругленіи находятся два окна и оба заложены, только въ лежащемъ ближе къ главному закругленію оставлено маленькое окно, въ родѣ слуховаго. На соединеніи сѣвернаго закругленія съ продольною сѣверною стѣною находилось тоже окно, которое заложено наглухо новымъ кирпичемъ. Въ южномъ закругленіи тоже два окна, оба заложены—сверху новымъ, внизу старымъ кирпичемъ. Надъ окнами въ боковыхъ закругленіяхъ сохранились, надъ перемычками, карнизы изъ кирпича, поставленнаго на ребро, въ концентрическомъ направленіи съ перемычками; карнизы эти, или сандрики, не вездѣ одинаково сохранились. Въ простѣнкахъ между оконъ, во всѣхъ трехъ закругленіяхъ, вдѣланы въ стѣну кресты изъ поливныхъ разноцвѣтныхъ кирпичей.

г) *Двери.* Въ сѣверной стѣнѣ уцѣлѣли слѣды старой двери, съ правильною полукруглою перемычкой. Въ позднѣйшее время старая дверь съ боковъ и сверху заложена новымъ кирпичемъ и въ просвѣтѣ устроена дверь меньшихъ размѣровъ, существующая до настоящаго времени; вся новая кладка въ просвѣтѣ старой двери оштукатурена. Въ уцѣлѣвшей части западной стѣны видны слѣды большой двери и часть пяты перемычки. Въ стѣнѣ у двери сохранилось углубленіе, куда всовывался запоръ.

д) *Площадь* внутренняго помѣщенія церкви, не считая престольныхъ частей, имѣетъ около 301 квадр. арш.; ширина церкви 15 арш. 1 верш., а длина 30 аршинъ.

е) *Своды.* Уцѣлѣли только въ престольной части—полукупольныя, въ остальной же части не сохранилось слѣдовъ ни сводовъ, ни потолка. Вообще уцѣлѣла вся престольная часть, съ тѣми узкими боковыми проходами, о которыхъ говорится и въ инвентарѣ Кульчинскаго.

ж) *Кирпичъ.* Отличается необыкновенною прочностію и твердостію, имѣетъ $6^1/_2$ вершковъ длины, 4 верш. ширины и $^7/_8$ верш. толщины.

з) *Голосники.* Горшки или голосники расположены во внутренней сторонѣ стѣны горизонтальны-

ми рядами въ шахматномъ порядкѣ, въ разстояніи одинъ отъ другаго въ 7 верш., горизонтальные же ряды отстоятъ одинъ отъ другаго въ разстояніи $7\frac{1}{2}$ верш. Голосники сохранились только въ стѣнахъ первоначальной кладки, въ позднѣйшей же надстройкѣ ихъ не имѣется.

Существованіе въ Коложской церкви голосниковъ указываетъ на глубокую ея древность. Употребленіе голосниковъ, или *звуковыхъ сосудовъ*, съ акустическою цѣлію, при сооруженіяхъ церквей, принадлежитъ Грекамъ, но обычай этотъ заимствованъ ими едва ли не у Индійцевъ; въ нѣкоторыхъ зданіяхъ и нынѣ встрѣчаются у послѣднихъ своды съ голосниками. Въ Римѣ тоже былъ извѣстенъ этотъ обычай. Въ уцѣлѣвшихъ развалинахъ цирка Каракаллы въ Римѣ и въ храмѣ св. Виталиса въ Равеннѣ находятся голосники. Въ Россію перешелъ обычай этотъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, изъ Византіи. Остались слѣды существованія голосниковъ въ соборахъ Кіево-Софійскомъ, Черниговскомъ и Софійско-Новгородскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ русскихъ церквахъ. Въ Москвѣ, при разломкѣ въ 1838 году Кремлевскаго дворца, въ сводахъ найдены были овальные горшки.

Нигдѣ однако не сохранились въ такой цѣлости и въ такомъ количествѣ голосники, какъ въ развалинахъ Коложской церкви. Она вся усѣяна голосниками, вся испещрена ихъ горлышками, можно сказать даже, что вся состоитъ изъ голосниковъ. Не только стѣны, но конечно, и своды церкви имѣли множество голосниковъ; даже въ узкихъ проходахъ, устроенныхъ въ стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ престольной части, голосники находятся въ подступенькахъ узкой кирпичной лѣстницы.

Коложскіе голосники по величинѣ—двухъ родовъ. 1. Толщина стѣнки въ горлышкѣ 2 линіи или 0,11 вершка; толщина дна 3 линіи или 0,17 вершка; глубина его внутри 29 дюймовъ; вышина 19 дюйм. и 3 линіи; вышина горлышка 6 дюйм.; окружность брюшка въ самомъ широкомъ мѣстѣ 33 дюйма и 6 линій, слѣдовательно діаметръ брюшка 10 дюймовъ и 6 линій; діаметръ отверстія въ горлышкѣ 2 дюйма и 7 линій, діаметръ дна 5 дюйм. и 4 линіи. II. Толщина стѣнки въ горлышкѣ 3 линіи; глубина внутри 16 дюйм.; вышина 16 дюйм. и 8 линій; вышина горлышка 6 дюйм.; окружность въ самомъ широкомъ мѣстѣ 28 дюймовъ и 3 линіи, поэтому діаметръ брюшка 9,20 дюйма; діаметръ отверстія въ горлышкѣ 2 дюйм., 7 линій; діаметръ дна 4 дюйма и 4 линіи.

При сравненіи Коложскихъ голосниковъ съ найденными въ другихъ мѣстахъ оказывается, что напр. Новгородскіе имѣютъ $8\frac{1}{2}$ верш. глубины, а діаметръ брюшка $\frac{1}{2}$ верш., слѣдовательно меньше Коложскаго на полтора вершка, а діаметръ брюшка меньше на $\frac{1}{2}$ вершка и 5 линій; за то въ Новгородскомъ діаметръ горлышка имѣетъ 3 верш., а въ Коложскомъ только 1,5 вершка. Даже такъ называемые большіе Московскіе горшки имѣютъ не болѣе $9\frac{1}{2}$ верш. вышины, т. е. менѣе Коложскаго на $1\frac{1}{2}$ верш.

Коложскіе горшки изъ темнокрасной глины, отлично обожжены и имѣютъ высокій тонъ звука. Въ Виленскомъ музеѣ древностей находится нѣсколько Коложскихъ голосниковъ.

Коложская церковь стоитъ въ прекрасной и живописной мѣстности, на правомъ, высокомъ берегу Нѣмана. Въ весеннее и лѣтнее время рѣка оживлена проходящими плотами и барками. Дальше, на югъ простирается широкая зеленѣющая равнина, окаймленная справа темной синевой густаго лѣса, съ лѣвой—длинною аллей тѣнистыхъ старыхъ липъ, разросшихся по обѣимъ сторонамъ стараго Бѣлостокскаго тракта. На западъ, между высокими берегами опять сверкаетъ голубою лентою патріархальный Нѣманъ, Cronon fluvium, nunc Niemn fluvium, какъ называютъ его, посѣтившіе Гродно въ 1593 году папскіе легаты Бруно и Гогенбергъ, въ своемъ сочиненіи «Civitates orbis terrarum»... На востокъ расположенъ, тоже на возвышеніи, городъ, но отъ мірской его суеты церковь отдѣлена и удалена глубокимъ оврагомъ и рѣчкою Городничанкою; только бѣдныя лачуги лѣпятся и жмутся у подножія церкви, по обрывистому склону горы и оврага, будто ища защиты и покровительства; городъ же почти скры-

вается за высокою горою, поднимающеюся надъ Городничанкой, на противоположной сторонѣ, горою — увѣнчанною развалинами стараго укрѣпленнаго замка, построеннаго «старымъ королемъ его милостію» Баторіемъ....

На *листѣ шестомъ* помѣщенъ видъ соборнаго храма въ Спасо-Евфросиніевскомъ Полоцкомъ монастырѣ—XII вѣка; 2 рисунка художника Трутнева.

Съ именемъ преподобной Евфросиніи-Предславы, княжны Полоцкой, связано воспоминаніе о древнѣйшихъ успѣхахъ просвѣщенія въ землѣ Полоцкой, на одной изъ самыхъ западныхъ окраинъ тогдашней Руси. Препод. Евфросинія приходилась внучкою знаменитому Всеславу Брячиславичу и праправнукою Св. Владиміру. Сохранившіеся извѣстія говорятъ, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ благочестивая княжна, па удивленіе своимъ родителямъ, имѣла большее расположеніе къ трудамъ богомоленія и просвѣщенія, нежели къ шумной жизни княжескаго двора. Именно эти естественныя привязанности къ духовнымъ упражненіямъ, которыя особенно были необходимы нашему отечеству въ то еще полупросвѣщенное время, побудили ее испросить у тогдашняго Полоцкаго епископа Иліи позволеніе — жить въ пристроенной къ Софійскому собору кельѣ, или въ такъ называемомъ голубцѣ. Убѣжденія отца ея, князя Георгія—Святослава Всеславича и слезы матери не остановили благочестивой рѣшимости, и княжна обрекла себя посту, молитвѣ и трудамъ,— а въ досужее время занялась списываніемъ священныхъ книгъ и вырученныя отъ продажи ихъ деньги раздавала нищимъ. Впрочемъ уединеніе, хотя и строгое, но не полное въ центрѣ городской и областной жизни, показалось недостаточнымъ благочестивой княжнѣ; она предпочла избрать себѣ мѣсто въ урочищѣ Сельцѣ, невдали отъ Полоцка, на прекрасномъ мѣстѣ по берегу Полоты. Епископъ Илія, въ присутствіи отца ея, дяди и бояръ, далъ свое соизволеніе на это, сказавъ: «вотъ, я при вашемъ державствѣ даю Евфросиніи мѣсто св. Спаса на Сельцѣ съ тѣмъ, чтобы здѣсь былъ дѣвичій монастырь, и никто изъ преемниковъ да не измѣнитъ сего моего даянія.» Это происходило около 1128 г. Основанная княжною Спасская обитель, подъ ея руководствомъ, стала быстро возрастать и укрѣпляться; здѣсь же поселились родная сестра Евфросиніи Евдокія-Градислава и двоюродная Евпраксія-Звенислава. Когда же бывшая въ монастырѣ деревянная Спасская церковь пришла со временемъ въ ветхость, — то княжна стала созидать каменную. Ближайшимъ помощникомъ ея по постройкѣ былъ приставникъ Іоаннъ, и дѣло шло съ такимъ успѣхомъ, что церковь была выстроена въ одно лѣто (1160 г.). Съ того времени доселѣ, въ теченіи 700 лѣтъ, среди всѣхъ превратностей, она удержала неизглаженные временемъ священные признаки древности, и остается въ той странѣ замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древняго русскаго зодчества. Народъ питаетъ къ ней до суевѣрія доходящее благоговѣніе, и данное имъ церкви названіе Спасъ-Юревичи звучитъ почти чѣмъ-то одушевленнымъ. Образъ постройки, необыкновенная толщина каменныхъ стѣнъ, малыя узкія окна, иконное и стѣнное письмо въ старинномъ греческомъ вкусѣ, древнія Русскія надписи, (къ сожалѣнію—закрашенныя), подтверждаютъ истину историческихъ указаній о времени построенія храма. Корсунскую стѣнную живопись оцѣнилъ въ свое время Кеппенъ—въ спискѣ Русскимъ памятникамъ (Москва, 1822 г. стр. 34). При церкви издревле были погребаемы православные епископы Полоцка. Внутри церкви, по обѣ стороны хоръ, доселѣ уцѣлѣли двѣ небольшія крестообразныя кельи (см. нижній рисунокъ на л. 6), въ которыхъ молилась преподобная со своею сестрою; сквозь маленькое круглое окно отсюда имъ открывался превосходный видъ на окрестности и весь городъ съ его церквами и родительскими теремами. Король Польскій, Стефанъ Баторій, овладѣвъ Полоцкомъ, отдалъ обитель пр. Евфросиніи со всѣми зданіями и угодьями, также какъ и другія Полоцкія православныя церкви, іезуитамъ. Говорятъ, что въ ихъ рукахъ кельи преп. княжны сдѣлались мѣстомъ іезуитскихъ попоекъ и всякихъ непотребствъ іезуитскихъ школьниковъ. Въ вѣдѣ-

ніи іезуитовъ Спасо-Евфросиніевская церковь находилась до самаго изгнанія ихъ изъ Россіи. Въ 1832 году, по представленію Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, Высочайше повелѣно было Спасскую церковь передать Гавріилу, епископу Витебскому и Могилевскому, — отпустить изъ казны сумму для необходимыхъ исправленій, а также снабдить церковь утварью, ризницею и всѣмъ необходимымъ. 7 Августа церковь была освящена, и съ той поры продолжается въ ней православное богослуженіе. Съ 1833 года къ церкви придѣланъ спереди надъ входомъ фронтонъ, на четырехъ колоннахъ.

Съ прошедшею исторіею храма связана также память о двухъ святыняхъ, пріобрѣтенныхъ для него усердіемъ княжны Евфросиніи. Первая святыня— Ефесская икона Божіей Матери, присланная ей, по преданію, изъ Цареграда, отъ Императора Мануила и патріарха Луки Хризовергія; благочестивое вѣрованіе приписываетъ написаніе иконы самому евангелисту Лукѣ. Съ 1239 г. по случаю бракосочетанія Александра Ярославича Невскаго съ Полоцкою княжною Брячеславною, эта икона перенесена въ Торопецъ, гдѣ и нынѣ благоговѣйно чтится народомъ, подъ именемъ чудотворной Корсунской. Другая святыня—знаменитый крестъ преподобной Евфросиніи, нынѣ хранящійся въ Спасской церкви. Не описывая этой священной древности въ подробностяхъ многочисленныхъ изображеній и дорогой отдѣлки, считаемъ достаточнымъ привести современную преподобной княжнѣ надпись, начертанную на серебрянныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ вокругъ креста: «+ въ лѣт ҂ѕ҃ и х҃н҃ѳ покладаѥть Ѡфросиньꙗ чьстныи кр҃стъ· въ манастыри своѥмь· въ црк҃ви· ст҃го сп҃са· чьстьноѥ дрѣво безцѣньно ѥсть· а кованье его· злото и серебро· и камѣнье· и жьнчюгъ· въ р҃ гривнъ· а др.... м҃· гривнъ· да нѣ изнесѣтьсꙗ из манастырꙗ· никогда же ꙗко ни продати· ни ѿдаті· аще се кто прѣслоушаѥть· изнесѣть и ѿ манастырꙗ да не боуди ѥмоу помощникъ· чьстьныи кр҃стъ ни въ сь вѣкъ ни въ боуд҃щии· и да боудеть проклꙗтъ ст҃ою животворящею Троицею. и ст҃ыми ѿтца· т҃ и и҃і семию съборъ ст҃ыхъ отць· и боуди ѥмоу часть съ Июдою· иже прѣда х҃а· кто же дрознеть сътвори с.... властелинъ· или кнꙗзь· или пискоупъ· или игоумѣнꙗ· или инъ которыи любо ч҃вкъ а боуди ѥмоу клꙗтва си· ѿфросиньꙗ же раба х҃а сътꙗжавъши кр҃стъ сии· приметь вѣчн҃ю жизнь съ всѣ и с̃....»

Преподобная Евфросинія скончалась вдали отъ родины, въ Іерусалимѣ; честныя мощи ея также почиваютъ не въ Полоцкѣ (въ Кіевѣ),—но народъ чтитъ память и имя Евфросиніи въ оставшихся послѣ нея святыняхъ. Въ день кончины преподобной 23 Мая Спасо-Евфросиніевская церковь не можетъ вмѣстить въ себѣ множества богомольцевъ, которые изъ дальнихъ мѣстъ влекутся сюда воспоминаніемъ о древнѣйшихъ временахъ русской земли, давшихъ бытіе этому дивному памятнику церковной древности.

Слѣдующіе рисунки (листы 7—10) изображаютъ общій видъ и нѣкоторыя отдѣльныя части Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря (XVI в.), и гравированы съ фотографій, снятыхъ учителемъ Виленской прогимназіи, художникомъ Петровымъ. Именно:

Листъ седьмой— видъ Супрасльскаго монастыря, 2 рис.;

Листъ осьмой—видъ Супрасльскаго Благовѣщенскаго собора;

Листъ девятый—стѣнная живопись на аркахъ Супрасльскаго собора, и

Листъ десятый—плафонъ Супрасльскаго собора.

Монастырь стоитъ среди лѣсовъ, на берегу рѣки Супрасли, (Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губ.), въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока. Основаніе монастыря въ этомъ собственно мѣстѣ относится къ первымъ годамъ 16-го вѣка. Новогродскій воевода, князь Александръ Ивановичь Ходкевичь, вмѣстѣ съ извѣстнымъ митрополитомъ Кіевскимъ Іосифомъ Солтаномъ, были первыми монастырскими ктиторами и строителями. Въ первые же года они записали на монастырь значительныя имѣнія, что дало монахамъ возможность, чрезъ 9 же лѣтъ послѣ основанія монастыря, приступить къ постройкѣ ка-

менной церкви Благовѣщенія пресвятой Богородицы, вмѣсто бывшей деревянной—св. Іоанна Богослова. Постройка новой церкви окончена при игумнѣ Каллистѣ, и 15 Октября 1516 г. совершено торжественное освященіе ея преемникомъ митрополита Солтана Іоною. Трезвенная жизнь монаховъ, строгіе подвиги благочестія, покровительство усердныхъ ктиторовъ скоро снискали ему извѣстность и богатства. Около половины 16-го вѣка монастырю принадлежали уже до 400 дворовъ съ населеніемъ въ тысячу душъ, и много пашенныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ земель. Примѣрная хозяйственность первыхъ игуменовъ, и особенно — извѣстнаго Сергія Кимборя, — замѣчательное устройство суда въ монастырскихъ имѣніяхъ, со взиманіемъ исключительно денежныхъ пеней за проступки и преступленія,— переложеніе нѣкоторыхъ хлѣбнорабочихъ повинностей въ денежныя—содѣйствовали, безъ обремененія крестьянъ, быстрому приращенію монастырской казны. Архимандритъ Сергій не щадилъ съ своей стороны издержекъ для возвышенія церковнаго благолѣпія. При немъ расписанъ алтарь, оправлены въ серебро съ позолотою четыре мѣстныя иконы, писанныя на мѣдныхъ доскахъ — Спасителя, Богоматери, Іоанна Богослова и образъ Благовѣщенія, и другія двѣ иконы—Спасителя и Божіей Матери, писанныя на деревѣ; позолочены также всѣ церковные образа, которые опалены были громомъ. При томъ же игуменѣ, въ иконостасѣ написаны праздничныя иконы, пріобрѣтены нѣкоторые колокола и пристроена каменная трапеза. Оставшійся отъ того времени собственноручный Сергіевъ списокъ церковнаго имущества показываетъ, какъ много мы имѣли бы драгоцѣнныхъ памятниковъ старины, если бы внесенныя въ списокъ вещи сохранились до нашего времени. Слава монастыря далеко распространилась, не смотря на его уединенное положеніе въ дикой, лѣсистой мѣстности; изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали священники и монахи — совершать здѣсь священнослуженіе и любоваться благолѣпною красотою церкви. Самъ патріархъ Іеремія, проѣздомъ чрезъ литовскую Русь (1589 г.) былъ, какъ говорятъ, и въ Супрасльскомъ монастырѣ и подарилъ на память архимандриту Иларіону Масальскому свою митру, которая доселѣ хранится въ монастырской ризницѣ. При Иларіонѣ стала въ тѣхъ мѣстахъ распространяться унія. Иларіонъ, человѣкъ въ православіи твердый, ни подъ какимъ видомъ не соглашался на происки Потѣя, и даже, со всею братіею Супрасльскою, постановилъ въ 1601 г. считать Ипатія Потѣя лишеннымъ епископскаго сана, братіи же монастыря ему не повиноваться. Такаго смѣлаго поступка въ защиту угрожаемаго православія должно было ожидать отъ монаховъ послѣ благодѣяній, испытанныхъ ими отъ православныхъ ктиторовъ, послѣ крѣпкаго завѣщанія первыхъ его строителей—быть монастырю всегда опорою вѣры, послѣ благословеній и доброжелательныхъ знаковъ отъ восточныхъ патріарховъ. Къ сожалѣнію, ревность иноковъ не устояла въ виду искушеній и притѣсненій, а господствовавшіе въ православной іерархіи безпорядки побудили искать исправленія ихъ въ единеніи съ главою римской церкви. Около 1612—14 гг. монастырь принялъ унію, исповѣдалъ западный символъ вѣры и совершенно подчинился власти уніатскаго митрополита. Но, вмѣсто устроенія и благоисправленія, монастырь нашелъ въ уніатахъ лишь разорителей и расхитителей. «Посмотри,» говоритъ Петръ Могила, «что униты дѣлаютъ съ монастырями и церквами. Развѣ не великія были имѣнія знаменитаго въ Литвѣ Супрасльскаго монастыря? однако прежде, при православныхъ основателяхъ, жило тамъ сто, а наименьше восемьдесятъ монашествующихъ братій, кромѣ клирошанъ; а теперь, подъ управленіемъ унитовъ, до того дошло, что едва нѣсколько ихъ тамъ находится. А особенно важно то, что тамъ прежде имѣніями монастырскими управлялъ самъ архимандритъ, а по принятіи уніи управлялъ и управляетъ ими свѣтскій господинъ, и чрезъ слугу своего выдаетъ монашествующимъ содержаніе, какое ему угодно, и доходы съ нѣсколькихъ десятковъ селъ употребляетъ на свои пожитки, а униты изъ страха не обращаютъ на это вниманія. Спроси въ томъ же монастырѣ, куда дѣвались его древнія иконы, всѣ обитыя сереб-

ровызолоченными досками,—и ты узнаешь что это обращено на частныя надобности, а въ церкви, вмѣсто серебрянныхъ, поставлены полотняныя, итальянскія иконы. Хорошо съ Господомъ Богомъ торгуютъ, давая ему полотно за позолоченное серебро.» Дѣйствительно, одинъ изъ ктиторовъ—Криштофъ Іеронимовичь Ходкевичь, въ 1630 г. вздумалъ даже самъ въѣхать въ монастырь, объявивъ, что отнынѣ лично и непосредственно будетъ управлять имъ, и когда услышалъ, что въ Супрасль собирается митрополитъ, то велѣлъ перекопать дороги рвами, чтобы воспрепятствовать въѣзду. Завязалась тяжба между монастыремъ и митрополитомъ съ одной стороны и Ходкевичемъ съ другой; дѣло доходило до самого Варшавскаго нунція, и хотя приговоръ его въ 1632 г. благопріятствовалъ духовной сторонѣ, но Ходкевичь до самаго 1647 г. не возвратилъ монастырю двухъ имѣній, деньги же съ прочихъ имѣній также обращалъ въ свою пользу. Архимандриту же Алексѣю Дубовичу, въ отвѣтъ на его домогательства объ исполненіи приговора, Ходкевичь грозилъ лишить его не только сана, но и самой жизни. Только вмѣшательство короля Яна Казиміра въ 1647 г. спасло монастырь отъ окончательнаго расхищенія тѣми, на комъ лежала обязанность его наилучшаго обезпеченія. Другимъ вреднымъ слѣдствіемъ уніи было то, что прежній законный порядокъ добровольнаго выбора монахами игумна изъ своей среды смѣнился притязаніями на архимандритство лицъ, совершенно къ братіи непринадлежавшихъ, уніатскихъ епископовъ и митрополитовъ; противъ этихъ своекорыстныхъ притязаній были безсильны самыя папскія опредѣленія, хотя папы безпристрастно свидѣтельствовали, что епископское управленіе разоряетъ монастырь. Безпорядки во внутренней жизни монастыря умножились; уставъ не былъ исполняемъ совершенно. При архимандритѣ Іоасафѣ Михневичѣ (1676—1687 г.) монастырь превратился въ училище многихъ лицъ свѣтскихъ—ремесленниковъ и др. под. Богослуженіе отправлялось небрежно,—всенощной и великаго славословія не пѣли, мѣсячныя минеи были со всѣмъ забыты,—панихиды за основателей перестали отправляться, а когда отправлялись, то безъ всякой торжественности. Такими безпорядками и многими другими печальными явленіями знаменуется жизнь монастыря въ уніатствѣ. Въ 18 вѣкѣ Супрасльская лавра всецѣло посвятила себя на служеніе уніатству, изданіемъ большаго числа уніатскихъ богослужебныхъ и нравоучительныхъ книгъ; замѣчательнѣйшее изданіе—Супрасльская библія 1743 г. Супрасльская типографія впрочемъ плачевно кончила свое существованіе, и послѣдніе остатки ея въ началѣ нынѣшняго столѣтія перешли въ руки Бѣлостокскаго еврея Аарона. Также и доходы монастыря, въ прежнее время доходившіе до 200 тысячь золотыхъ, къ 1770 годамъ уменьшились, вслѣдствіе дурнаго управленія, до 20 тыс. Ученыхъ монаховъ въ это время было въ монастырѣ всего двое, прочіе совсѣмъ почти не знали по русски и не умѣли пѣть. Не изъ кого было выбирать лицъ достойныхъ къ монастырскимъ должностямъ. О нравственности монаховъ достаточно привести свидѣтельство лица оффиціальнаго, осматривавшаго монастырь (1768 г.): «начальство въ Супраслѣ распущенное, пьяное, нерадивое,—заботится лишь о бутылкѣ, трубкѣ, кофе... У намѣстниковъ нерѣдко можно видѣть великолѣпныя пиршества и пышныя угощенія гостей, преимущественно женскаго пола, музыкальныя игры, непристойныя пѣсни. А какъ нерадиво богопочтеніе всѣхъ этихъ монаховъ! Какія въ церкви безстыдныя богохульства и соблазны допускаютъ распьянопьяные проповѣдники! Какая въ хорѣ поспѣшность, опущенія! Какіе въ транезѣ непочтительные вопли, ссоры, ропотъ и недовольство пищею! Отъ людей грубыхъ, необразованныхъ и служащихъ одному чреву, можно ли ожидать чего хорошаго?...» Прибавить можно, что отъ такаго распущеннаго общества служителей уніи напрасно было бы надѣяться также уваженія къ церковному достоянію, пріобрѣтенному ихъ православными предшественниками. Въ 1794 г. архим. Вислоцкій отправилъ, въ пособіе Виленскимъ бунтовщикамъ, много церковныхъ драгоцѣнностей, вѣсомъ до $82^3/_4$ фунтовъ серебра,

въ томъ числѣ: большой крестъ запрестольный въ 13 фунтовъ, крестъ напрестольный въ 7 фунтовъ,— крестъ меньшій серебровызолоченный, нѣсколько большихъ и малыхъ подсвѣчниковъ, лампаду, шесть мощехранительницъ и чашу въ 3½ фунта. Съ переходомъ Бѣлостокской области къ Пруссіи, недвижимое имущество было у монастыря отнято правительствомъ, а вмѣсто него назначена скудная ежегодная дача, около 2111 рублей на наши деньги. Супрасльскій монастырь сдѣлался каѳедрою открытой въ Пруссіи Супрасльской уніатской епархіи, что впрочемъ немного содѣйствовало благосостоянію самого монастыря. По присоединеніи Бѣлостокской области къ Россіи 1807 г., земли монастырю не были возвращены. Съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 г. монастырь поступилъ въ православное вѣдомство, и числится съ 1842 г. во второмъ классѣ. Въ теченіи 20 лѣтъ, по 1853 годъ, въ монастырѣ помѣщалось духовное училище,— а нынѣ, на иждивеніи учебнаго округа, содержится народная школа, въ которой къ 1-го Января 1868 г. находилось 25 учениковъ.

Въ настоящее время, каменная церковь Благовѣщенія (рис. л. 8)—пятиглавая, крестообразная, занимаетъ 15 квадр. сажень, имѣетъ одинъ престолъ и теплую придѣльную церковь (5½ кв. с).; у воротъ особо стоитъ трехъ ярусная колокольня. Пока еще не отыскано въ архивѣ свѣдѣній о томъ, какъ и когда были дѣлаемы наружныя перестройки церкви; впрочемъ очевидно, что внѣшность постройки въ общемъ видѣ уцѣлѣла отъ 16 вѣка, напоминаетъ при томъ другія болѣе древнія церкви сѣверо-западнаго края и вообще была, кажется, здѣсь господствующею до конца 16 вѣка. Снаружи церковь украшена фронтонами и карнизами. Внутри, каменный сводъ, поддерживаемый колонами, расписанъ изображеніями святыхъ (рис. лл. 9. 10). Стѣнной живописи прежде было болѣе, чѣмъ теперь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ-подъ бѣлой закраски еще открываются рисунки; къ сожалѣнію, неумѣстное усердіе настоятеля Яворовскаго, обновлявшаго монастырь въ 1826 г., не уберегло въ цѣлости всей старинной живописи на стѣнахъ. На заднихъ столбахъ помѣщены писанные на холстѣ портреты основателей монастыря—митрополита Іосифа Солтана и воеводы Александра Ходкевича, во весь ростъ. Иконостасъ деревянный, рѣзной, въ три яруса съ 25 образами. У южнаго столба находится икона Спасителя (3 арш. 6 вершк.), писанная на деревѣ; на сѣверномъ столбѣ такая же икона Богоматери: на обѣихъ серебрянныя ризы, по 20 ф. вѣсу, украшенныя дорогими каменьями. Находящіяся въ иконостасѣ изображенія Спасителя, Богоматери, Благовѣщенія и Св. Іоанна Богослова писаны на мѣди. Впрочемъ, какъ иконостасъ, такъ и фресковыя стѣнныя изображенія поновлены въ 1826 г. Въ церковной ризницѣ хранится небольшая икона Пресвятой Богородицы, съ надписью, что она подарена митрополиту Іосифу Солтану Великой княгинею Литовскою Еленою, дочерью В. К. Московскаго Ивана III. Тамъ же хранятся: бо́льшой напрестольный крестъ, съ частицею животворящаго древа, принесенный, по преданію, съ Аѳона; сдѣланная по кресту надпись говоритъ, что онъ пожертвованъ монастырю Архіепископомъ Іоною, Епископами Іосифомъ, Вассіаномъ, Александромъ, княземъ Василіемъ и другими (между 1516—30 годами). Изъ другихъ предметовъ старины замѣчательны: круглое серебрянное блюдо 1541 г. вѣсомъ 4 ф. 28 зол.) архіерейскій жезлъ, 2 серебрянные подсвѣчника 1628 г. Колокольня старая сгорѣла въ 1702 г. 21 Мая; колоколовъ, вылитыхъ еще при архимандритѣ Кимбарѣ въ половинѣ 16-го вѣка, теперь нѣтъ. Нынѣшніе три бо́льшіе колокола отлиты въ 1704 г.; на самомъ бо́льшемъ стопудовомъ изображены и три мастера, его отлившіе: Вышинекъ, Кмитъ и Мокось. При монастырѣ есть небольшая библіотека, имя которой достаточно извѣстно нашимъ ученымъ по такъ называемой «Супрасльской рукописи,» (часть которой издана Миклошичемъ, а другая была въ частныхъ рукахъ и нынѣ досталась библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки—А. Ѳ. Бычкову),—затѣмъ по «Супрасльской лѣтописи» (изд. княз. Оболенскимъ) и по литовскому лѣтописцу, (который, въ польской

переписи съ кириллицы, изданъ б. покойнымъ польскимъ ученымъ Даниловичемъ). Нынѣ впрочемъ библіотека не имѣетъ прежняго значенія и, кромѣ нѣкоторыхъ рукописныхъ прологовъ 16 вѣка и немногихъ другихъ рукописей, (въ томъ числѣ писанныхъ на пергаменѣ красивымъ уставомъ бесѣдъ Григорія Двоеслова съ Петромъ діакономъ объ отцахъ Италійскихъ), особенныхъ замѣчательностей не представляетъ. Умѣстно здѣсь вспомнить, что «лѣтопись самого Супрасльскаго монастыря», считавшаяся потерянною, въ 1867 году отыскана А. В. Рачинскимъ въ частной библіотекѣ г. Кулаковскаго и нынѣ находится въ Виленской Публичной Библіотекѣ. Въ монастырскомъ архивѣ есть достаточно матеріаловъ для исторіи монастыря; ими пользовались въ своихъ описаніяхъ г. Бобровскій (Матеріалы для Статистики Гродненской губ. ч. 2, стр. 1022) и о. архим. Модестъ (Литовскія Епарх. Вѣдом. за гг. 1864—67). Впрочемъ, подробное описаніе монастыря, по порученію бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, Ивана Петровича Корнилова, составляется г. профессоромъ Литовской Семинаріи—Демьяновичемъ и будетъ помѣщено при готовящемся изданіи документовъ Супрасльскаго монастыря.

На *листѣ одинадцатомъ* изображены, по свѣтописнымъ снимкамъ г. Петрова:

1) мѣдный колоколъ 1420 г.; открытъ въ 1867 г. А. В. Рачинскимъ на колокольнѣ костела въ селѣ Неводницѣ, (въ 8 верстахъ отъ Бѣлостока) и принесенъ І. Н. Малышевичемъ въ даръ Виленской Публичной Библіотекѣ, гдѣ и хранится нынѣ. На колоколѣ надпись кирилицею: «☩ въ лето + ҂ѕ + ное + ц҃ сотъ + к + и + е созданъ бысть колоколъ с҃теи троицы по + веленіемъ раба бж҃ Шедибора Волимонтовича + а мастеръ Устѧкъ.» Тотъ ли это Шедиборъ, котораго Витовтъ неудачно посылалъ въ Римъ за королевскимъ вѣнцемъ, остается рѣшить специалистамъ.

2) перламутровый образокъ, (снятъ въ естеств. величину), въ видѣ панагіи, съ вырѣзаннымъ изображеніемъ знаменія Богоматери; составляетъ частную собственность Пинскаго уроженца И. А. Эремича. О древности иконы судить можно по начертанію буквъ въ надписи, идущей вокругъ изображенія: «☩ о великоє имѧ стоє нєраздѣлимо тр҃це.»

